

ПЕРСОНА
ДИАЛОГ

Я — любитель кухонных разговоров на разнообразные темы

УМРИ, НО НЕ СОЛГИ

Михаил КОЗАКОВ:
Объективно считаю себя
счастливым человеком

Напоследок он произнес: «Я ужасный зануда. Мне и жена об этом говорит! Боюсь, что в этом интервью я предстал таким же. Да, я могу сыграть роль, давая такое легкое обворожительное интервью, но вряд ли это стоит делать — переходить на иронический тон баек, шуток, отговорок. Да, есть такой путь, и, по-моему, он не так уж плох, может, это даже умнее, чем мое занудство...»

Ян СМЕРНИЦКИЙ

— Почему вы вернулись из Израиля? Почему еврей не ужился в Израиле?

— Здесь еще у меня есть друзья, с которыми я могу беседовать на общие темы, перескакивая с литературы на театр, с театра на кинематограф... Вчера, допустим, мы по телефону начали разговор в двенадцать ночи, а закончили в три. За это время с другом можно переговорить о том, о чем с мало-знакомым человеком не переговоришь и за месяц, потому что есть код, который знают только двое. Это я ценю. Главное, что я не вписался в контекст театральной жизни Израиля, были трудности в освоении языка... Поэтому и вернулся в Россию.

— Неужели «социальное» одиночество так задавило вас?

— Одиночество вообще есть свойство человека. Конечно, тяжело. Но, может быть, одиночество и стимулирует волю к творчеству. Вот Пушкин оказывался в Михайловском или в Болдине. А жил бы он постоянно в Петербурге — хрен бы возникла «Болдинская осень»! Мое одиночество в Тель-Авиве привело к обдумыванию тех вопросов, к которым я никогда не пришел бы в Москве.

— Что бы изменилось, если бы вы оказались там пораньше лет на тридцать?

— Знаете, я видел там разных людей из России, которые прекрасно вписывались... Да, они ощущали себя счастливыми. Но я — любитель «кухонных разговоров на разнообразные темы». И, конечно, эти «кухонные разговоры» остались только здесь, в Москве. Я благодарен Израилю за ту школу жизни, которая расширила мои представления о мире и о себе. В Израиле я пришел к себе самому, он излечил меня в каком-то смысле... Именно там я понял, что я — человек удивительно московский. «Ордынский»: начинал жизнь в Замоскворечье и заканчиваю ее на Ордынке. Жить в Израиле? Я говорил тогда, говорю и сейчас: Израиль мне понравился, я себе в Израиле не понравился.

— Почему вы не переехали из Тель-Авива, скажем, в Нью-Йорк?

— О! Это самый живой город на свете! Но не дай бог даже представить себе, что я там живу! Ой, не надо! Потому что там можно жить только будучи КЕМ-ТО. Не дай бог мне оказаться там в качестве эмигранта: я удушусь на второй же день, скорее, чем в Тель-Авиве. И никакая красота Нью-Йорка не поможет. Но я бы не хотел, чтобы у меня не было этого опыта — опыта эмиграции.

— Но вслед за опытом следует боль.

— А больно бывает человеку всегда. Разве не больно наблю-

дать все эти трагедии, навалившиеся на Россию, и чувствовать, что ты ничего не можешь сделать. Постоянное чувство вины...

— За что?

— ...Даже по поводу чеченских событий. Да, я чувствую свою личную вину! Я бывал в Грозном, но еще до военных событий, при советской власти: вся эта рана была скрыта, нарыв был загнан внутрь.

— Так какой же ответ можно дать на происходящее?

— Очень сложно дать ответ. Другое дело, спроси моих родителей, а каково им было тогда — в тридцатые годы, в Великую Отечественную, да и позже? Было еще тяжелее. Мне сейчас 66 лет. Я пережил все эти политические эпохи и должен сказать, что трудно было всегда. Просто было лишь приспособленным, карьеристам, накопителям, то есть людям, которые цинично смотрят на жизнь. Они замечательно существовали. А мы верили. И понимали, что заниматься искусством — это и роскошь, и внутренняя потребность одновременно. А любой шаг в сторону, измена самому себе тут же приводили к запоям...

— Вы упомянули циников, но многие актеры, играя «гадов» на сцене, играют гадов и в жизни.

— Это отсутствие души. Я знаю таких людей — они неглубокие актеры: они могут блеснуть, но СУДЬБЫ у них не будет. Я, кстати, очень люблю чужие таланты...

— Неужели вы не завидуете им, ведь вам не грех уверовать в собственную гениальность?

— Как мы легко разбрасываемся словами! Давайте скромнее: не гениальность, а способности. Я видел поразительно талантливых сверстников. Другое дело, что меня одарил бог счастливым свойством белой зависти. Иногда хвалят и меня: мол, лучше всех читаешь стихи. Да ничего подобного! Я знаю, что Зиновий Гердт читал Пастернака намного лучше, а Юрский куда лучше обращается с прозой. Я искренне пытаюсь ответить на ваш вопрос. Объективно понимаю, что обязан считать себя счастливым человеком, несмотря на все пережитое... Знаете, как сказал Довлатов: «Самое трудное в жизни — это ее прожить». Это трудная мысль, которую человек додумывает до своего последнего часа. И не потому что так страшно исчезнуть, тем более что есть великое «БЫТЬ МОЖЕТ». Но исчезать страшно!

— Как?

— Как ты встретишь свой смертный час? Мне приходилось быть в пограничных ситуациях. Один раз очень легко... Даже подумал, зачем они вернули меня к жизни! Какой покой! Секунда, а потом — ничего.

— Вам не страшно умереть?

Екатерина ШЕВКОВА

— Не-а. Это только в молодости страшно... У меня в детстве была такая мысль: господа, какое счастье, что я родился! А ведь могло быть так, что и не родился бы вовсе! А в юности: я никогда-никогда никогда не умру! Нет, смерть пугает только в детстве. Потом уже смиряешься. А вот болеть — это погано. Смерть не страшна, страшны страхи смерти. Вот их надо уметь гнать от себя. Хотя это легко сказать. Но нужно. Мне лично помогла отогнать их работа (я — трудолюбив)...люди...дети...друзья...водка! Хотя очень грустно терять друзей. Вообще, на этой земле меня удерживает мысль, что мои дети еще не стоят на ногах, их надо поднять, поэтому надо еще пожить...

— Вам, возможно, говорили, что вы мрачный и трудный человек?

— Почему же? Я умею радоваться. Просто заниматься ремеслом приходится в мучительных условиях, но, с другой стороны, нельзя заикливаться на этом, уходить в быт, нельзя думать о том, что вчера какой-то критик смешал тебя с дерьмом.

— Вы сами никогда не лгали?

— Девушек в молодости, случалось, обманывал. А вообще, для меня главное: умри, но не солги. Это жутко трудно! Может быть, поэтому меня и называют «трудным человеком». А с другой стороны, чем я «труднее» других? Есть много радостей даже в моем возрасте.

— Появляются новые друзья?

— Друзья у меня всегда были старше, чем я, на двадцать, двадцать пять лет. Знаете, появляются товарищи, в том числе и из молодежи, — а это уже немало. Я к ним тянусь больше, чем они ко мне.

— К родному городу тянет?

— Я так переживаю за мой Питер! Будучи одним из самых гениальных по красоте городов, он все еще находится на грани реанимации. А Москва уже зажила, я вижу хорошо одетых молодых людей... Я люблю, когда мало машин, особенно летом, пройтись по Москве пешком. И по Ленинграду тоже люблю, но у меня сердце кровью обливается, когда я вижу нищету дворов, дома, покрашенные временной краской...